

*Город жалок, связан
по рукам и ногам:
Дорогами, линиями трамваев,
огнями реклам.
И он взывал к людям,
как к врагам:
«Почему так одинок,
хоть и полон?»
Плакал и говорил
сырым углам:
«Бедлам,
сплошной бедлам...»
Страшный,
скрюченный,
мокрый от слез
Город.*

Тяжелая металлическая дверь дежурной части с грохотом распахнулась и застыла в косом проеме. — Все, пока, мужики! — бросил я через плечо.

— Ты ствол сдал? — дежурный оторвал голову от книги учета преступлений, куда сосредоточенно заносил очередную заявку.

— А как же, — машинально проверил во внутреннем кармане наличие удостоверения и «карточки-заместителя», — рапорт на «постоянку» я не подавал.

— И правильно... — На столе задремал телефон. — Серега, закрой, будь другом, — крикнул дежурный помощнику, вздохнул и снял трубку: — Милиция, дежурный майор Токарев!

Из комнаты отдыха показался «помдеж», закусывая на ходу нечто только что выпитое.

— Погоди, Серый, домой забыл звякнуть, — вдруг вспомнил я.

— Тогда жди, — помощник вернулся в комнату к поздней трапезе. — Жек, может, зайдешь пока на «соточку»? — позвал он в приоткрытую дверь.

— Успею еще, ночь длинная.

— Вам, урядникам, еще времени и сил на блуд хватает, — Серега поставил на стол поднятый было пластиковый стаканчик: в одной из камер начали колотить в дверь, слышались невнятные угрозы и отборный мат в адрес милиции. — Опера вот накатили по чуть и в кабинетах задержанных отработывают.

— Кого там отработывать, — отозвался я, пытаюсь перекричать грохот и вопли. — Рейд-то формальный, вон, пьянь одна, да нарики...

— Да заткните вы этого уroda! — заорал дежурный, прикрыв трубку ладонью. — Гражданка, я вас услышал! Да, записал! Да, знаю! Опергруппа уже выехала, дежурный Токарев... То-ка-рев, блин!

Трубка грохнула о пульт. Майор щелкнул тумблером, посмотрел на жующего помощника, выдохнул, взял стоявшую в углу резиновую дубинку и направился к камере.

Я набрал домашний номер. Один гудок, два, три... лучше бы все спали, и тогда не нужно ничего говорить... четыре, пять... и ощущать *пустоту и космический холод* на другом конце провода... шесть, семь... хорошо, что спят.

— Да, я слушаю.

Буквально увидел, как жена сидит на краю дивана, держа в одной руке трубку, а другой разглаживая складки голубой фланелевой пижамы, той самой пижамы, которая мне так когда-то нравилась...

— Это я, чего не спите?

— Я Дашку купала. Вообще-то мы уже легли. Ты скоро?

— Пока на работе... — Из камеры послышалась возня, глухие размеренные удары и затихающие пьяные крики, перешедшие в стоны. — Наверное, буду поздно. Надо еще задержанных отработать.

— Скажи лучше — рано... — В динамике послышался шорох. — Па, а сосиски с кетчупом будут? — приблизившись на минимально возможное расстояние к трубке, бодрым голоском поинтересовалась пятилетняя дочь: озорные глаза, вздернутый шмыгающий носик, на щечках ямочки. Наверняка топчется рядом, кутаясь в желтый махровый халатик, полотенце сползает с головы, готовое упасть.

— Как всегда, конечно, будут. Знаешь что, малыш, а давай...

— Это уже не малыш, — *космос* стал ближе. — Даша, бегом спать, — кричит почти в трубку. — Папа приедет не скоро. Ты можешь хотя бы не будить ее, когда возвращаешься... с работы? — жена сделала ударение на последнем слове.

— Ты же знаешь, она сама просыпается, а сосиски с кетчупом — это единственное, что она готова есть в любое время.

— Я знаю, что нормальные люди, тем более, дети, должны спать по ночам. И я, кстати, тоже.

А ведь когда-то у нас было «одно на двоих дыхание», а сейчас одна *Большая Пустота*.

Нет больше той Маринки, которая любит меня, и нет меня, того, прежнего...

— Послушай, не начинай, я постараюсь.

— Ребенку нужны не сардельки... — *Холод* заструился по телефонным проводам. — Дочери нужен отец, а не тот, кого она видит двадцать минут утром, за рулем по дороге в детский сад... — *Пустота* стала вязкой и осязаемой. — И еще полчаса ночью, пока он варит эти гребаные сардельки. Поэтому она тебя ждет...

— Марин, сосиски, не сардельки...

— *Пока* ждет. *Ждет* и любит...

— А ты?

— А я устала, я иду спать...

Гудки в стынущей трубке. *Пустота* и *холод*. Космос вокруг меня.

За мутным, в палец толщиной, оргстеклом дежурки в неярком свете мелькнул силуэт. Генка Пригородов, участковый, зажатой в пальцах сигаретой показал на выход, давая понять, что будет ждать на улице.

Я аккуратно положил трубку. Вернулся дежурный, поставил дубинку в угол.

— А где у нас опергруппа?

— На краже, — отозвался помдеж. — Потом еще две «квартирных», а че?

— Да там истеричка одна вроде грабеж заявляет, все мозги по телефону вынесла... Адрес в рабочей тетради, не забыть бы группу потом туда направить... Телефон слушайте. Пойду руки помою.

— Серег, у тебя там не осталось? — с надеждой спросил я, когда майор удалился.

— Во, блин, одумался! Давай по-быстрому, — Серега наполнил тару — а то Василич вернется, гнить начнет. Ему каждое дежурство проверяющий из управления мерещится: ни выпить, ни закусить. Базара нет, два года до пенсии. Ну, будем...

— Спасибо, братан, подогрел, — бросив в рот кружок полукопченой, я направился к выходу. — Вы там повнимательней.

— День простояли и ночь продержимся. Бывай.

Февральский воздух, после пропахшей мочой и потом в сочетании с алкоголем дежурки, не просто пьянил, он манил и будоражил воображение. Последний день зимы. Хрупкий лед вдоль бордюров, легкий глянец на асфальте, зыбкий свет уличных фонарей...

— Ну, че, ко мне в клуб? — Генка, стоя на ступеньках райотдела, щелчком отправил выкуренную сигарету в ночь, почти весеннюю. — У меня сегодня аншлаг, «ночники» все компы заняли. Кассу сниму, пива, водки возьмем, к Нариману за шашлыком смотаемся, оттянемся по сетке...

Я закурил. Наверное, неплохо, когда у тебя есть компьютерный клуб, пусть небольшой, но свой, и в хорошем месте. Квартира рядышком, и тесть помогает, когда совсем туго. А у нас — домик на два хозяина, в сорок седьмом году поставленный, в задрипанном пригороде. На электричке, и то быстро. И бабка за стенкой, которая себе два века отмерила. Маринке по крови родная, но так вышло, что чужая нам обоим.

— Нет, Геныч, давай не сегодня, я — в ночь.

— Слышь, хорош, каждый день «шкиперить» что ли?

— Не день, а ночь. Днем мы, типа, работаем...

— Да Бог с ним, с клубом этим, время — двенадцати нет, — Генка достал из мятой пачки очередную сигарету. — Давай Людке со Светкой позвоню. — Прикурил, прикрывая огонек зажигалки от ветра. — В сауну поедем. Моя спит уже, знает, что я в рейде.

— Не трави. В другой раз.

— Как знаешь, тугой ты сегодня, — друг сделал рукой прощальный взмах и направился в самый конец парковки. — «Селектор» не проспи, — крикнул он издали.

Я нащупал в кармане ключи, нажал кнопку на брелоке. Стоявший чуть поодаль серебристый «форд» подмигнул мне, как старому приятелю. Остывший движок запустился с полоборота.

Мимо прошелестела шипованной резиной вишневая «ауди». Поморгав мне фарами, Генка выехал с парковки. Я коротко просигналил ему вслед.

Кто бы говорил! На ежедневном селекторном совещании по непонятной никому прихоти «папика» должен был присутствовать весь офицерский состав райотдела, хотя вполне было бы достаточно начальников служб и их заместителей. Отсутствие и опоздание без уважительной причины расценивались как неуважение руководства и карались объяснительными и душевными беседами с кадровиком. Правда, стоит отметить, что к прослужившим больше четырех-пяти лет особо не придирались. Я и некоторые мои товарищи уже приблизились к границе лояльности, но не перешагнули ее, поэтому «старлеи», вроде меня и Генки, иногда попадали в поле зрения начальства по причине «молодости» и явного «неуважения», обусловленного хроническим недосыпом после проведенных с пользой ночей.

Дабы постоянно не расстраивать уважаемого нами Петровича — начальника службы участковых, приходилось поднимать чуть свет и мчаться в райотдел, чтобы в восемь пятнадцать упасть в кресло в зале совещаний. После этого оставалось лишь придать заспанному лицу заинтересованное выражение и постараться не задремать под монотонный доклад об оперативной обстановке в городе.

Двигатель, прогревшись, сбросил обороты. Хорошо, рейд сегодня «по гражданке», на «опорном» переодеться не придется. Пару часиков покатаюсь — и домой. Я закурил и, включив фары, бодро отъехал от райотдела.

«Форд» был не молодой, но резвый, и выглядел вполне прилично. Чтобы пересест на него с умирающей «девятки», пришлось занимать у немногочисленных родственников и близких друзей. О последнем, естественно, жена не знала. Я проявил максимум терпения и такта, выслушавая ее нытье, но на прежней рухляди ездить было уже невозможно. «Девятка» за нормальные деньги «ушла» к Аслану, что торговал фруктами на вверенном мне участке. Каждый из нас был по-своему доволен.

Пробег с «севера» на «юго-запад» получился пустым. Вернулся в центр, где постоял на прибитых местах, но без результата. Немногочисленные граждане на остановках, несмотря на поздний час, упорно ждали более доступного, известного только им одним, транспорта. «Весна наступила, а «грачей» нет», — с горькой усмешкой подумал я и отправился в ночной павильон.

Похолодало, в воздухе кружились редкие снежинки. Я быстрым шагом преодолел расстояние до машины и, бросив в рот мятную конфету, покатыл по проспекту.

Впереди на остановке замаячила хрупкая фигурка в кожаном коротком плащике с капюшоном. Разглядев невысоко поднятую руку, я сбавил скорость и перестроился в правый ряд. Девушка лет двадцати пяти, хорошенькая и наверняка продрогшая, действительно пыталась поймать такси.

Остановился не сразу: колеса заскользили по предательски блестящему у бордюра асфальту. Подмораживает.

Девушка уверенно распахнула пассажирскую дверь:

— На левый берег.

Я назвал сумму, меньшую, чем мог бы запросить любой таксист. Надо же с чего-то сегодня начать...

Девушка захлопнула переднюю дверь. Ну и ладно. Сделала шагок в сторону, дернула ручку задней. Воспрянув, я поспешно повернулся. Сдвинув кнопку в углублении обшивки, снял блокировку.

Она впорхнула в салон, устроившись, некоторое время сосредоточенно рылась в сумочке, потом протянула две купюры. Я осторожно взял одну из ее холодной руки, чуть помедлив, положил в нагрудный карман куртки. Она бросила на меня быстрый взгляд из-под длинных ресниц, мокрых от растаявшего снега, и передвинулась по сиденью в глубь салона. Красивое бледное лицо с тонкими чертами, темные густые волосы и... безысходность в больших, серо-голубых, глазах, от которой сжалось сердце. Небольшую сумочку она положила на колени и прижала к себе, как любимую кошку. На протяжении всего пути никто из нас не проронил ни слова.

Девушку я довез до самого дома, мало обращая внимание на жуткие ямы и обилие беспорядочно припаркованных во дворе машин. Сказав, «спасибо», она юркнула в настежь распахнутую дверь одного из подъездов серой девятиэтажки. Почему-то захотелось убедиться, что с незнакомкой все будет в порядке. Мне не понравилась темнота на лестничной площадке, да и лифт наверняка не работал. Погасив фары, я вышел из машины и закурил. Через некоторое время в одном из окон на пятом этаже вспыхнул свет.

Тем временем метель набирала силу. Снежинки, уже нередкие и невесомые, стали тяжелыми и колючими. Холодный ветер гнал их по пустынным улицам и бросал в одиноких прохожих.

У павильона с зарешеченной дверью, на желтых квадратах света, видимо, давно и безнадежно «голосовали» четверо не по погоде одетых студентов. Спрятав ладони в рукавах, каждый прижимал к себе по две бутылки пива. Я остановился. Не веря удаче, ребята кинулась к машине, распахнули сразу две двери.

— Нам до Дворца Кирова. Сколько?

— Да ладно, мне по пути, — я поежился от холодного ветра захлестнувшего салон. — Залезайте быстрее.

Парень, что сел рядом со мной, распахнул бутылки по карманам и почти сразу заснул. Трое остальных, стуча зубами, пили ледяное пиво и оживленно общались, стараясь перекричать музыку. Когда на «волне» зазвучали аккорды известной песни группы «Кино», они попросили прибавить громкость. Слова, которые я слышал много раз, сейчас, в спящем снежном хаосе, пробирали до глубины души. Человека нет, а песни его живут...

На остановке возле «ДК» студенты с трудом растолкали спящего товарища. Пока двое помогали выбраться ему из машины, третий, светловолосый и широкоплечий, положил на консоль между передними сиденьями смятый ворох бумажных денег.

— Хорош, пацаны, сказал же, что по пути, — возмутился я, сгребая ком.

Парень удержал мою руку:

— Да не парься, мы вон его старшего брата, — он кивнул на пьяного друга, сидевшего на корточках возле машины, — в Чечню провожали...

Леха по контракту... Завтра уезжает... Ты выпей за его удачу... За то, чтоб вернулся...

— Я выпью, только денег не надо...

— Не обижай, брат, поверь, мы от души. Ты нормальный мужик. Сам служил, наверняка, и мы пойдем, когда время придет.

Отъезжая, я услышал, как громыхнули пустые бутылки в урне, после чего нестройные голоса запели: «Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне...»

Выезжая с левого берега, я миновал перекресток с указателем на Ростов, и повернул в сторону дамбы. В неярком свете неоновой вывески ресторана высокий мужчина в черном кашемировом пальто обнимал за плечи, прикрывая от ветра, девушку в норковой шубке. Взяв спутницу за руку, он сделал шаг на проезжую часть и привычным жестом буквально приказал остановиться. Приоткрыв дверь, сказал, куда надо ехать, и сам назвал цену. На вид мужчине было лет сорок пять. Волевой подбородок, умные пронизательные глаза, едва заметная седина на висках. После того как я кивнул, он помог девушке забраться в машину и сам сел рядом, подобрав полы пальто. Девушка казалась совсем юной. Всю дорогу мужчина вполголоса что-то рассказывал, она, прижимаясь к нему, внимательно слушала. Иногда, как серебряный колокольчик, звучал ее негромкий смех. Сейчас я являлся невольным свидетелем какой-то тайной, никому не известной стороны жизни этих людей. И еще мне показалось, что они любят друг друга.

Загадочную пару я высадил около гостиницы. Ночь для них, видимо, только начиналась. А вот мне было уже пора.

Закурив, быстро посмотрел по сторонам и развернулся через две сплошных. Машину ощутимо занесло. Я надавил на педаль газа, выровнял траекторию. Завершив маневр, помчал по улице, горя желанием поскорее покинуть центр и выскочить на окружную.

На углу у перехода, возле скверика с заснеженными деревьями, стоял, подняв руку, худощавый мужчина. Ветер срывал искры с кончика его папиросы. Я подумал, что если по пути, можно и подбросить. Выглядел он лет на сорок, хотя мог быть и старше, равно, как и моложе. Он пояснил, что ему надо на «север», и назвал адрес известного ночного клуба. Это было не совсем по пути, но не далеко. Немного подумав, я все же согласился.

Новый попутчик откинулся на спинку переднего сиденья. На коротко стриженной его голове, над левым ухом, я заметил глубокий длинный шрам. В этот момент распахнулась задняя дверь, и в машину протиснулся, дыхнув на меня алкоголем, круглолицый здоровяк помоложе, тоже коротко стриженный, в черной кожаной куртке. Следом за ним на сиденье взгромоздился второй, менее крепкий и, как мне показалось, более пьяный друг.

— Че, Колян, едем, да? Вижу, ты уже договорился, — нараспев протянул первый. Усаживаясь, он правой рукой ухватился за подголовник моего сиденья и он, хрустнув, отклонился назад. Я поправил подголовник и посмотрел на сидевшего справа:

— А это кто?

— Да ты не бойсь, это кореша мои... Сразу не сказал, — вполоборота присипел он и закашлялся. — Давай, трогай...

«Во, блин, угораздило!», — подумал я, набирая скорость. Прокашлявшись и сплюнув на пол, старший протянул мне деньги. На пальцах мельк-

нули синие наколки. Здоровяк потянулся с заднего сиденья и заграбастал руку товарища:

— А че так до фиги ты ему даешь? Тут ехать всего ничего, он и так довезет, по пути, небось... — Он опять ухватился за подголовник, пытаюсь заглянуть мне в лицо.

— Ну да, он шкипер понятливый и не жадный, — поддакнул третий пассажир с серым невыразительным лицом. Прикуривая от спички сигарету, он пьяно толкнул соседа в бок:

— Забери, Сыч, и так половину лоховских денег просадили... Еще в клуб премся... Последнее там оставим... А назад как?

— Да нет, мужики, так не пойдет. Бензин нынче дорогой... — сквозь зубы процедил я, проходя на хорошей скорости очередной поворот.

— Не дороже здоровья. Верно, Крым? — Мордастый гоготнул и обернулся к сидевшему рядом. Он тоже было заржал, но закашлялся, поперхнувшись сигаретным дымом. Сыч отпустил руку Коляна, и несколько раз сильно хлопнул друга по спине, от чего сигарета выпала у того изо рта. Продолжая кашлять, он затоптал ее на коврике ногой. Колян молча убрал руку с деньгами в карман.

— Ну, ладно, чуть прокатились, и хватит... — сказал я как можно спокойнее, сбрасывая скорость.

— Ты че, парень, совсем страха не ведаешь? Если посадил, то едешь... Едешь и молчишь, понял, да? — Это был опять Сыч. Он заворочался на сиденье и положил свою клешню мне на правую руку. На толстом пальце блеснула до неприличия большая золотая печатка.

— Я все понял, сейчас будем выходить. — Я включил правый «поворотник».

— Да ни хрена ты не понял, — он убрал руку и зашуршал одеждой, — а вот так, понимаешь? — В висок ткнулся тяжелый металл. — Точно ничего не боишься?

Шел девяносто шестой год. Газовое оружие встречалось в нашем городе не часто, да и «братки» эту хрень не уважали... Я слегка повернул голову, скосив глаза. «ПМ»... Видимо, натуральный... Стрелять, конечно, не будет. Хочет покуражиться, было.

— Ничего не боится только дурак, — адреналин волнами пошел в мою кровь. — Хотите ехать... Сейчас поедем...

Я резко надавил на педаль газа. Машина понеслась по улице, оставляя на влажном снегу змеиный след.

— Вот это уже лучше. Ну, и кого ты высаживать собрался, шкипер фуфлыжный? — не унимался Сыч, продолжая удерживать пистолет у моей головы.

— Убери ствол, он и так едет... — бросил через левое плечо Колян.

— Ну так я помогаю... А будет колбасить, могу и шамальнуть ненароком... — Сыч, заворочавшись, поудобней устроился за моей спиной. Его сосед довольно хмыкнул. Колян промолчал.

Да, такие «морды» по контракту в Чечню не ездят. И «срочную» не служат... Даже на нарах, сволочь, не валялся — так, около потерся...

Я взлетел на виадук, завалив стрелку спидометра за восемьдесят. На спуске с моста нас почти вынесло на трамвайные рельсы, но я удержал машину, снова нажав на газ. Улица прямая, до следующего поворота далеко. Еще прибавим...

— Эй, братан, ты че так летишь? Мы не спешим вроде... — подал голос Крым.

— Я тоже не спешил, а потом вдруг страх потерял... — Адреналин почти заместил мою кровь... Светофоры пульсировали в свободном режиме. Я перебрал рычаг на пятую передачу.

— Ты охренел совсем, что ли? — взревел над ухом Сыч и попытался ухватить меня левой рукой за волосы, переместив пистолет в область шеи.

— Смелый, ну так стреляй, только на скорость посмотри... Умрем быстро, причем все сразу... — Меня колотило. Адреналин накрыл с головой...

— Ты до самого клуба так гнать собираешься? — включился в наш «базар» Колян, обращаясь ко мне.

— Как получится...

— Сыч, убери ствол, почудил и хватит... — старший повысил голос, оборачиваясь назад.

— Да хрен там... — Крепыш не унимался. — Слышь, ты че, пьяный, что ли? — продолжал он тыкать мне в шею холодный металл.

— А вы, типа, трезвые? — двумя руками ухватившись за руль, я впился взглядом в дорогу. С трудом удерживая машину, левыми колесами угодил в выбоину, отчего нас швырнуло к бордюру и понесло почти боком по заснеженной дороге.

— Сыч, блин, да убери ты ствол... Он же больной, реально нас угробит... — заорал Крым, ухватившись за руку друга и пытаясь отвести пистолет от моей шеи. Справа от меня мелькнула жилистая рука, пальцы Сыча хрустнули на рукоятке... Я почти не обращал внимания на их борьбу.

Боковое движение на пустынной в этот час дороге погасило скорость. Я вывернул руль и снова утопил педаль. Разогнавшись, понял, что в поворот, обозначенный мне впереди светофором, я не вписываюсь...

Меня понесло влево, за разделительную полосу, на встречную... Припаркованный у обочины, там стоял здоровенный черный джип без габаритных огней. Заметил я его, когда оказался почти рядом... Задний бампер проскрежетал по металлу, джип ощутимо качнуло, взвыла сработавшая сигналка. «Форд», пройдя по касательной, отскочил и начал разворачиваться. Пропахав беззубой резиной снег у края дороги, сделал полный круг и продолжил движение по встречной полосе. Ослепив фарами и приняв в сторону, мимо с воем пронеслась машина...

На залитой светом площадке перед клубом, несмотря на глубокую ночь, толпился народ. Зацепив полосатый бордюр, я влетел на парковку и от души надавил на тормоз. Разбрасывая мокрый снег заблокированными колесами, машина пересекла свободное пространство и почти уткнулась в ступеньки. Все, кто был в непосредственной близости, отскочили в стороны. Послышался женский визг и нецензурная брань. Стоявшим у входа в клуб шоу понравилось больше: сверху донеслись одобрителльные возгласы. Охранник в черной униформе не отреагировал вообще...

Сыч выскочил из машины первым и ухватился за ручку моей двери. Стволом он уже не размахивал, но его намерения были мне предельно понятны. Следом выкатился протрезвевший к этому времени Крым, за ним вышел Колян. Я начал разворачиваться на сиденье, с тем чтобы сразу зарядить здоровому Сычу ногами в живот и, выиграв время, вытащить из-под водительского коврика монтировку...

— Сыч, уймись! — рявкнул на него Колян. От неожиданности его друг замер у приоткрытой им водительской двери.

— Да ты че, Сухой, это же оборзевший шкипер! — заорал, вытаращив глаза, Крым.

Народ у входа с интересом наблюдал за происходящим.

— Все, блин! Базар окончен, — тоном, не допускающим возражений, закрыл тему Колян. — Заткнитесь оба и ждите меня в клубе. — Облокотившись на автомобиль, он закурил папиросу.

— Я тебя запомнил, браток... — процедил сквозь зубы Сыч и, с силой толкнув водительскую дверь, начал подниматься по ступенькам. Крым, обходя машину, пнул ногой и без того, видимо, разбитый задний бампер и последовал за другом. Я достал сигарету, прикуривая, отвернулся, чтобы не было видно, как дрожат руки.

— А ты кто, вообще, по жизни? — перекатывая во рту папиросу, поинтересовался Колян.

— А ты? — со злостью задал я встречный вопрос. — Сам вроде с понятиями, а вот друзья у тебя...

— Я? — он криво ухмыльнулся. — Коля Сухой... Не слыхал?

— Да хоть мокрый...

— Это уже было. Мочить мочили, только не замочили, так «Сухим» и остался... На вот, возьми, — он положил на сиденье смятые купюры. — Если понадобится, в «Русской тройке» меня спросишь.

— Не понадобится.

— А ты не зарекайся...

Сухой сплюнул сквозь редкие зубы и захлопнул дверь.

В павильоне на соседней улице я купил две упаковки замороженных сосисок, сладкий томатный кетчуп и бутылку крепкого пива. Выпив из горлышка живительный напиток, аккуратно опустил тару в железную урну и, вытерев тыльной стороной ладони губы, направился к машине.

С разгона, перескочив через накатанную перед домом колею, я заехал во двор, уткнувшись бампером в сугроб. Приподняв, с трудом закрыл просевшие сырые створки деревянных ворот и защелкнул в петлях навесной замок. Метель прекратилась, ветер стих. Завтра все растает... Видимо, это был последний аккорд февраля.

Вода в кастрюле уже кипела, когда по коридору прошлепали маленькие босые ножки. Скрипнула кухонная дверь.

— Дашка, ты чего не спишь?

— Я спала... А потом услышала, как ты приехал.

— Разве я шумел?

— Нет, не шумел. Я просто услышала...

Дочка, путаясь в длинной, накрахмаленной ночнушке, забралась с ногами на свой любимый стул.

— Сейчас, малыш, погоди минуту, и все будет готово.

— Па, а это ужин или завтрак?

— Для завтрака, пожалуй, рановато... А тебе как больше нравится?

Дочь, положив локти на стол и подперев руками сонную мордашку, пожалала худыми плечиками.

— Ладно, пусть это будет наш поздний ужин. Только никому не говори, хорошо? — погладил я ее по голове.

Согласившись, она кивнула и придвинула к себе тарелку.